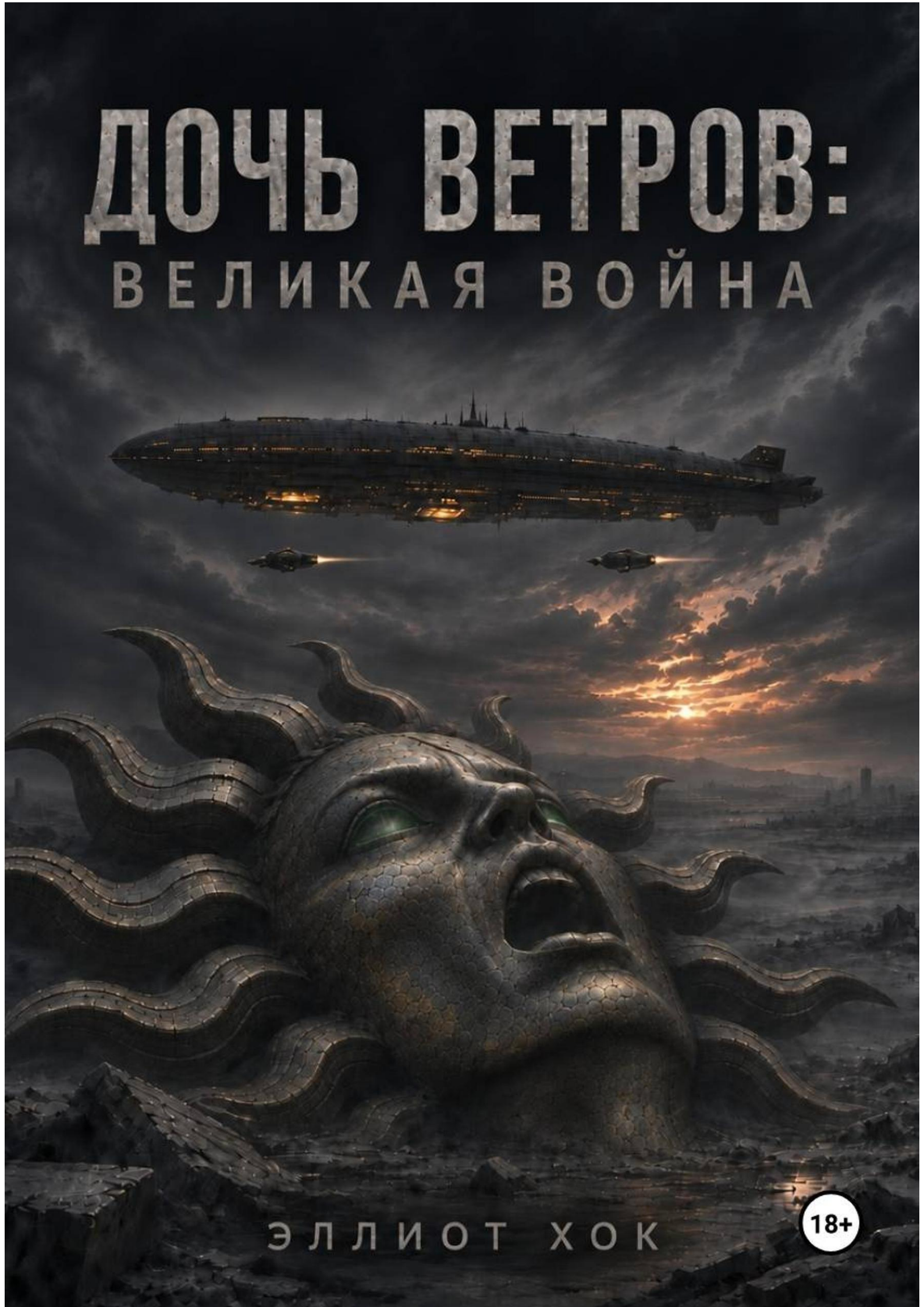
ДОЧЬ ВЕТРОВ:
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

ЭЛЛИОТ ХОК

18+

Эллиот Хок

Дочь ветров: Великая война

«Автор»
2026

Хок Э.

Дочь ветров: Великая война / Э. Хок — «Автор», 2026

Незадолго до того, как воздушные города взмыли в небо, свершилось открытие, положившее начало Великой войне. Подводные города, ставшие предтечей небесных, мегакорпорации, благородные дома и великие научные прорывы, обернувшиеся ужасающими ошибками, — всё обратилось в пепел под ударами ядерного огня. Это история о том, как отец, желавший спасти дочь, создал оружие, которое убило мир.«Дочь ветров: Великая война» — приквел к роману «Дочь ветров». Это тёмная научная фантастика о цене познания, о любви, не знающей границ, и о том, как из самых благих побуждений рождаются самые страшные миры. Семейная драма древнего пилларийского рода Аско переплетается с трагедией планетарного масштаба, и эта история не сулит светлого финала.

© Хок Э., 2026
© Автор, 2026

Эллиот Хок
Дочь ветров: Великая война

Глава 1

ПРОЛОГ. ЖАЖДА

Чёрное небо.

Сначала она не поняла, что видит. Над крышами поднялась вторая заря, белая, без цвета и без тени, и в ней разом исчезли улица, окна напротив, собственные руки. Глаза резануло до скрежета. И только потом пришёл звук.

Как она летела, девочка не помнила. Падения тоже. Память начиналась с темноты, с чего-то горячего, что давило на грудь, и с тишины. Ни сирен, ни голосов, ни собак.

Часы на треснувшем экране коммуникатора показывали 03:41. Когда она смотрела на них перед вспышкой, было 01:09.

Теперь она лежала на боку среди обломков и смотрела вверх, туда, где полагалось быть небу. Над ней висела безликая тёмная масса без звёзд и без краёв. Шёл дождь, тяжёлый и маслянистый, слишком густой для воды. Пепел смешался с ним ещё наверху, и каждая капля, ударив о камень, оставляла чёрную точку сажи, въевшуюся намертво, как клеймо. Грязи от такого дождя только прибавлялось. Где-то горело, может, в километре, может, в десяти, но свет пожаров вяз в пелене, и до неё доходило одно багровое зарево у горизонта. Камень под ладонью оплавился и застыл гладкой стекловидной коркой, похожей на пригоревшую карамель.

Правая половина тела обгорела. Ткань куртки прикипела к коже и затвердела, и девочка старалась не шевелить плечом. Боль пока держалась где-то в стороне. От ожога шло тепло, слишком сильное и слишком ровное, и от него клонило в сон.

Капли падали на лицо, на губы, в открытые глаза. Она приоткрыла рот и попыталась поймать одну. Язык не послушался. Капля скатилась по подбородку, смешалась с сажей и стекла в лужу, которая натекала под щекой. Вода в луже была серой и густой от пепла. Она попробовала ещё раз. И ещё.

В вытянутой руке она держала коммуникатор. Корпус оплавился с одного угла, экран пошёл сеткой трещин, по которой ползли капли, но индикатор вызова ещё горел, слабая зелёная точка в черноте. Девочка смотрела на неё долго, и точка казалась ей звездой. Других звёзд над ней не осталось. Под трещинами ещё читалось имя последнего контакта: «ПАПА». Заряд 6%.

Палец нашёл кнопку не сразу.

— Папа…

Голос вышел хриплым, чужим. Она попыталась откашляться, и горло ответило сухим скрежетом. Во рту стоял вкус пепла. Дождь стучал по обломкам, и больше ничего.

— Папа… я хочу жить. Ты меня слышишь?

Индикатор мигнул. Была связь или нет, она не знала.

— Если ты меня слышишь…

Кашель скрутил её, насколько это вышло у тела, придавленного камнем. Тогда и пришла боль. Тупая, глубокая, она поднялась откуда-то из живота и осела там тяжело, как камень на дне колодца. Девочка застонала одними губами, без звука. Лужа под щекой стала глубже. Дождь усилился.

— Воды.

Глаза закрылись сами. Открыть их сил не нашлось. Она лежала в темноте, слушала дождь и чувствовала, как холод поднимается от ступней к коленям, от коленей к животу, к груди, к горлу. Шёл он не торопясь. Торопиться ему было некуда.

Она открыла глаза ещё раз.

Небо над ней не изменилось, чёрное, без звёзд, без края. Капли падали прямо в зрачки, и она не моргала. Смотрела сквозь пепел туда, где раньше по утрам вставало солнце. Солнца больше не было. Его убили первым.

Губы шевельнулись. Она хотела сказать что-то ещё, но голос ушёл, и осталось одно слово. Оно поднялось из-под рёбер, из той глубины, где ещё теплилось.

— Жажда.

Таймер вызова показывал 01:03. Палец разжался. Коммуникатор выскользнул из ладони и упал в лужу экраном вниз. Серая вода сомкнулась над корпусом, и зелёный огонёк под ней погас.

ГЛАВА 1. МЫШОНОК

Годом ранее. Солнце садилось над Пилларитом, столицей дома Пилляриев, и последние лучи входили в лабораторию косо, через высокие окна в свинцовых переплётах. Свет лёг на столы длинными полосами. В полосах плавала пыль, поднятая сквозняком с бумаг, и каждая пылинка горела отдельно, пока не уходила в тень. В углу на одной ноте гудел генератор. Мариус Аско перестал его слышать много лет назад и замечал, только когда гул сбивался. Пахло нагретой изоляцией, типографской краской и бумагой, пролежавшей весь день на солнце, а чуть глубже — сухой соломой и подсолнечной шелухой. Так пахнут комнаты, где человек живёт дольше, чем у себя дома.

К вечеру кабели были смотаны в бухты, журналы сложены стопкой, стол протёрт. Рубашку Мариус не менял с позавчерашнего дня. У окна стоял учёный. За стеклом остывал город: шпили исследовательских корпусов, черепица мастерских, над литейными кварталами прямые столбы дыма. Ветра не было, и дым поднимался вертикально, как натянутые нитки. С литейных донёсся гудок пересменки, протяжный, в два тона, и внизу, на мостовой, застучали сотни подошв.

Мариусу шёл тридцать восьмой год, но выглядел он старше. Складки у рта врезались глубоко, плечи давно привыкли к наклону над столом. Обедал ли он сегодня, Мариус не помнил.

Клетка стояла на краю стола, в последней полосе света. Белые прутья, деревянное дно, дверца на проволочной петле. Собрал её Мариус сам, давно, для другой работы, и так и не выкрасил заново: на одном пруте краска облупилась до металла. Мышонок сидел посередине на задних лапах и умывался. Тёр мордочку передними лапками, торопливо, по кругу, как ребёнок, которого позвали к столу. Розовый нос подрагивал, усы топорщились.

Час назад этот зверёк три секунды лежал на боку с открытыми глазами. Излучатели стояли полукругом за столом: девять тяжёлых труб на станинах, похожих на полевые орудия. Их лучи сошлись над клеткой в одной точке, и в точке пересечения поле удержало то, что делало мышонка мышонком. Самописец в это время чертил вместо пульса прямую линию. Потом Мариус разомкнул контур, поле вернуло захваченное обратно, и зверёк дёрнул задней лапой и чихнул. Тогда Мариус сел на табурет и просидел так, пока не затекла спина.

«Ты такой же первооткрыватель, как и я», — подумал он и сейчас, глядя, как мышонок вылизывает бок.

Три секунды — смешной срок, за него не успеешь донести ложку до рта. Но если поле держит три секунды, то должно удержать и тридцать. Дальше вопрос мощности и фокусировки. А если удержит час, тело становится сосудом, который можно сменить. Мысль пришла спокойно, без восторга, так же буднично, как приходит следующая строка расчёта, когда предыдущая сошлась. Попробовал представить мир, где никого не хоронят, и не смог. Воображению не хватало данных.

Мариус отошёл от окна и стал выключать излучатели — по одному, справа налево, как привык. Тумблеры щёлкали туго. Трубы остывали с тонким потрескиванием, гул генератора опустился на полтона. Мышонок поднял голову на звук, послушал и вернулся к своему боку.

Шаги Мариус узнал раньше, чем открылась дверь. Лёгкие, частые, с перестуком пяток по камню — так по коридорам корпуса бегала только Лира. Влетев в лабораторию, она запыхалась и остановилась на пороге, держась за косяк. Волосы выбились из косы, на щеке краснела свежая царапина, подол юбки побелел от известковой пыли. Значит, опять лезла через стену у старого сада, вместо того чтобы идти воротами.

— Папа, ты звал?

— Звал.

Мариус взял клетку со стола и повернулся. Лира увидела, что у него в руках, и перестала дышать ртом.

— Это мне?

— Если возьмёшь.

Подошла, вытерла ладони о юбку и взяла клетку обеими руками, бережно, словно та была налита до краёв. Подняла к лицу. Мышонок подошёл к прутьям и обнюхал её палец, потом второй.

— Он кусается?

— Пока не пробовал.

— Пап, — она не отрывала глаз от клетки. — Откуда он?

— Из вивария. — Мариус помолчал. — Он участвовал в опыте. Сегодня, час назад.

— В каком?

Карандаш Мариус взял со стола, будто собрался чертить схему, и положил обратно.

— Я вынул из него сознание. Узор вариативности, душу, если точнее. Перенёс вон туда. — Он кивнул на излучатели. — В ловушку душ. Поле удержало его три секунды, потом я вернул всё на место.

— В ту громадную штуковину, — повторила Лира.

— Э, да… В многомерное квантовое поле захвата вариа… впрочем, да, в ту большую громадину.

Взгляд Лиры перешёл на трубы, на станины, на толстые кабели, уходящие к генератору, и снова на мышонка. Тот сел и почесал за ухом задней лапой.

— То есть он умер?

— Нет, конечно же нет. Просто три секунды его не было в теле.

Хмыкнула она совсем как он сам, когда находил ошибку в чужих выкладках.

— А как он себя чувствует?

— Ест. Чистится. Реагирует на звук. По всем показателям нормально. И… мне кажется, ты ему понравилась.

Мариус посмотрел на мышонка. Тот как раз сунул нос в кормушку и выудил оттуда семечку. Лира кивнула, словно это и был единственный ответ, который её устраивал, и прижала клетку к себе.

— Я назову его Снежок.

— Он серый.

— Потому что уже вечер, пап.

Свет в окнах густел и краснел, полосы на полу вытянулись до самой двери. Лира поставила клетку на угол стола, присела перед ней на корточки и постучала ногтем по прутьям. Снежок подбежал и ткнулся носом в ноготь.

— А зачем тебе это? — спросила она, не поднимая головы. — Ну, переносить души.

Мариус посмотрел на излучатели. Пыль ещё висела над ними в закатном свете, и трубы казались горячими, хотя давно остыли.

— Зачем… Чтобы люди перестали умирать, Лира.

Лира подняла глаза.

— А почему люди стареют и умирают?

— Это сложный вопрос. Тело человека несовершенно - оно изнашивается, болеет, горит. Сознание же можно вынуть и поместить во что-нибудь более надёжное. Если сделать поле устойчивым, никого больше не придётся хоронить. Никогда.

Мариус услышал себя со стороны — так говорят с трибуны на открытии нового корпуса — и потёр переносицу. Лира смотрела на него серьёзно. Между бровей у неё пролегла вертикальная складочка, его собственная: он видел её каждое утро в зеркале для бритья. Девочка прикусила губу и задумалась.

— Тогда Снежок первый бессмертный, — сказала она наконец. — На три секунды, то есть.

— Ну, можно и так сказать.

— Нужно так сказать, пап! — Поднявшись, Лира отряхнула колени. — И ему нужен памятник.

— Памятник?

— Ну, табличка. Хотя бы на клетке. Чтобы все знали.

— Будет вам табличка!

— Медную!

— Хорошо, хорошо.

Лира подхватила клетку, обошла стол и обняла папу одной рукой, ткнулась лбом ему в плечо, коротко, и выбежала. Перестук пяток удалялся по коридору, потом в конце его хлопнула дверь на лестницу, и стало слышно только генератор.

Мариус постоял, глядя на дверь. На косяке, на уровне его груди, темнели карандашные зарубки с датами. Первую он поставил, когда ей было шесть и она приходила сюда сидеть под столом с куском мела, пока он работал. Подошёл и провёл пальцем по верхней зарубке. Через год она будет выше. Через двадцать лет он перестанет за ней успевать на лестнице. Однажды она станет старше, чем он сейчас, потом старше, чем был его отец, когда его похоронили. Тело у неё было из того же материала, что у всех.

Мариус убрал руку и вернулся к столу. Журнал лежал раскрытым на сегодняшней странице. Ученый вписал время опыта, мощность на каждом излучателе, угол схождения лучей и длительность удержания. Почерк у него к вечеру всегда сползал вниз по строке. В графе «объект» с утра стояло: «мышь, самец, серый». Взглянув на запись, Мариус зачеркнул её одной линией и написал сверху: «Снежок».

На краю стола, где только что стояла клетка, остались просыпанная шелуха и одно семечко. Ученый сгрёб шелуху в ладонь, подумал и оставил семечко лежать. Солнце почти ушло за крыши литейных кварталов. Свет в окнах стал красным и тяжёлым, излучатели отбросили через весь пол длинные тени, и тени сходились в одной точке над пустым краем стола.

— Бессмертие, — сказал он в пустоту, остановившись у дверей — Когда-нибудь.

И погасил свет.